

A futuristic robot with a silver and black body and a single glowing orange eye stands on a hill. It is looking out over a city that has been almost completely destroyed, with only the skeletal remains of buildings and a few trees left. In the far distance, a futuristic city with tall, spire-like buildings is visible under a cloudy sky. The scene is framed by trees with vibrant autumn foliage in shades of orange and yellow.

Право на ошибку

Марсель Морис

Марсель Морис
Право на ошибку

«Автор»

2026

Морис М.

Право на ошибку / М. Морис — «Автор», 2026

Что значит быть человеком в мире, где алгоритмы принимают решения лучше нас? Марк, создатель систем искусственного интеллекта, всю жизнь верил в прогресс и эффективность. Но когда его самого признают "неэффективным" и списывают на пенсию, он обнаруживает, что за пределами стерильного города будущего есть другой мир — мир старых роялей, дикого винограда и роботов, которые учатся заботиться. Философская повесть о праве на ошибку, о ценности неэффективности и о том, что настоящая справедливость начинается там, где мы перестаём измерять всё пользой.

© Морис М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вступление	5
Глава 1: Двадцать четыре часа	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Право на ошибку

Вступление

Посвящается Маме. С нее все началось.

Эта книга родилась из простого вопроса: что останется от нас, если убрать всё, что можно измерить, оптимизировать, оцифровать? Мы живём в мире, где успех определяется продуктивностью, а ценность человека — его полезностью. Но что, если настоящая жизнь начинается именно там, где заканчивается погоня за эффективностью? Эта повесть — попытка найти ответ. Не через манифесты, а через историю одного человека, который потерял всё, что считал важным, и обрёл то, что действительно имеет значение.

Глава 1: Двадцать четыре часа

Дверь балкона закрылась за спиной, отрезая фальшивый привкус мяты.

Нейрошлем остался на столе в гостиной. Двадцать четыре часа. Именно столько времени дали ему на сборы. Не месяц, не неделя. Ровно сутки, чтобы вычеркнуть себя из этой квартиры, из этой жизни.

Щелчок. Не метафорический. Реальный, сухой щелчок замка, когда он выходил из виртуального зала совета директоров час назад.

Ветер здесь был другим. Не отфильтрованным климат-контролем. Настоящим. Холодным. Пустым. Марк машинально потянул воротник домашней куртки выше, но это не помогло. Тело, годами привыкшее к стерильному теплу управляемых систем, вдруг стало чужим. Хрупким. Алгоритмы закончились. Дальше был только этот ветер и пустота, в которой не за что было зацепиться.

Он знал, что этот день придет. Но когда на совещании, среди обсуждения рутинных запусков муниципальных услуг, председатель вдруг оживился, перечисляя его прошлые заслуги, переход к теме пенсии прозвучал как приговор. Роботы в тот момент как раз разносили чай и песочное печенье. Жизнь рушилась, а мир продолжал предлагать ему выпечку. В зале повисла тишина. «Пауза по Станиславскому», — подумал тогда Марк. Надо заканчивать эту пытку. — Всем большое спасибо, — произнес он тогда без воодушевления. — Завтра приглашаю всех на ужин. Отметим мою пенсию.

Он пытался контролировать даже свое собственное увольнение. Но сейчас, на балконе, эта бравада рассыпалась в прах.

За спиной заскрипел сервомеханизм. Тихий, знакомый вой. Сократ.

— Марк. Голос с той самой фирменной, слегка простуженной хрипотцой. — Вы находитесь на открытом воздухе ровно шестьдесят минут. Температура падает. Робот замолчал. Сделал паузу. Не по протоколу. — К тому же, прогревать ужин в третий раз — значит безвозвратно испортить вкус.

Марк медленно обернулся. Тусклый свет фонаря выхватил из темноты матовый корпус «Друга-3». На грудной панели — глубокая царапина, оставшаяся еще с прошлого переезда. Потертости на суставах. В этом идеальном, вылизанном городе эта машина казалась единственной вещью, которая знала, что такое стареть.

— Принеси куртку, — сказал Марк, отрываясь от перил. — Здесь действительно холодно.

Резкий, сухой щелчок сервопривода. Сократ развернулся. В этом движении не было протокольной плавности. Словно легкое, механическое фырканье. Робот скрылся в темноте коридора.

Марк шагнул через порог. Дверь балкона скользнула, отрезая ветер. В квартире стояла ватная, мертвая тишина. Тепло. Слишком тепло. Укутываться больше не имело смысла. — Не нужно, — сказал он пустой комнате. — Я передумал.

На столе, в луже желтого света, лежал ноутбук. Старый, с потертыми углами. Марк провел пальцем по клавише «Enter». Пыль. Она прилипла к пластику, словно родная. Словно часть его самого, осевшая за годы бесконечных проектов.

Экран светился в полумраке. Курсор мигал. Ритмично. Как пульс. Как насмешка. Он звал к работе, но не давал ни единой подсказки. О чем писать человеку, у которого только что отобрали будущее?

«Я...» Марк набрал одну букву. Посмотрел на мигающий курсор. И нажал Backspace. Экран снова стал девственно белым. Пустым. Как его расписание на завтра.

Вера. Он уже не помнил деталей той первой встречи. Годы стерли цвет её платья и запах духов. Но он помнил тепло. То самое, которого сейчас не хватало в этой идеально отрегули-

рованной квартире. Где она сейчас? Спит? Читает свою бумажную книгу при свете старой лампы? Он не стал брать коммуникатор. Не сейчас.

Сзади раздался глухой, немного неуклюжий стук. Сократ ставил поднос на стол. Фарфор тихо, виновато звякнул о стекло. — Ужин остывает, Марк. В третий раз.

Марк не обернулся. Он смотрел в темный экран ноутбука, в котором смутно отражалось его собственное, постаревшее лицо. — Сократ, — тихо сказал он. Голос предательски дрогнул. — Включи музыку. — Какую именно? В вашей библиотеке... — Любую. Ту, что была до того, как всё стало цифровым. Ту, где есть ошибки.

Робот замер. Его сервомеханизмы тихонько взвыли, обдумывая запрос, не прописанный в базовых протоколах. — Слушаюсь.

В комнате повисла тишина. А потом, сквозь легкий, теплый треск старых динамиков, полились первые, неуверенные ноты.

Это было Анданте из Двадцать первого концерта Моцарта. Марк закрыл глаза.

Стены квартиры растворились. Вместо стерильного воздуха в нос ударил густой, сладкий запах нагретой солнцем травы и раздавленных лесных ягод. Опушка леса. Там было тепло. Но это нельзя было вернуть.

Он открыл глаза. За стеклом балкона равнодушно мерцала Афина. Холодный. Отчужденный. Мир, который больше ничего не предлагал. Оставалось только слушать музыку. И думать, что делать с этими двадцатью четырьмя часами...

Марк резко встал. Одних воспоминаний было мало. Ему нужно было действие. Он схватил куртку на ходу, не глядя, направился к двери.

— Возьмите зонт, — сухо пробубнил Сократ из коридора. — С вероятностью восемьдесят процентов сегодня вечером пойдет дождь.

Марк не ответил. Дверь захлопнулась.

Беспилотное такси доставило его без единого толчка. Вход в парк. Монументальные колонны, которые он сам когда-то утверждал в проекте. Они должны были вызывать восхищение. Вызывали.

Дорожки были чистыми, словно их только что вымыли с мылом и насухо вытерли. Деревья стояли шеренгой, высаженные с математической точностью: одно к одному. Ни гула магистралей. Ни суеты. Умиротворяющая, ватная тишина. Даже птицы здесь щебетали вполголоса. Словно боялись нарушить протокол.

И посреди этой стерильной гармонии внимание Марка зацепилось за одно пятно. Куст сирени.

Он рос не в умной кадке. Не по цифровой разметке. Он просто торчал из земли, слегка наклонившись набок, ломая идеальную перспективу аллеи. Кто посадил его здесь?

Марк подошел ближе. Запах ударил в нос. Сладкий, густой, неправильный. Где цифровая разметка? Где строгая геометрия, которую он сам когда-то утверждал для этого парка? Он протянул руку. Коснулся листа. Тот был теплым. Живым.

Внезапно стерильный воздух парка исчез. Весна. Год знакомства с Верой. Тот самый старый сквер, где теперь даже ступить на газон было запрещено дронами. Он тогда перелез через низкую ограду. Сорвал три ветки. Нарушил протокол. Она смеялась. В ее глазах отражался этот же фиолетовый цвет. Счастье, которое не нужно было оптимизировать.

Шорох. Тихий, но отчетливый звук шагов по гравию прервал воспоминание. Марк обернулся. В конце аллеи, в сгущающихся сумерках, двигался силуэт. Плавно. Медленно. В городе, где каждый шаг измерялся алгоритмами эффективности, эта абсолютная, вызывающая нетопливность казалась либо чудом, либо провокацией.

Силуэт остановился в нескольких шагах. Женщина в легком плаще. Сумерки скрывали черты лица, но Марк увидел жест. Легкое, почти невесомое движение руки, поправляющее

прядь волос над правым глазом. Сердце пропустило удар. Он знал этот жест лучше, чем свои собственные морщины.

— Я давно не встречала тебя в этом парке, — голос был тихим, но в этой стерильной тишине прозвучал как выстрел. Она сделала паузу. — Видимо, что-то случилось. Раз ты здесь.

Марк открыл рот. Но слова застряли в горле, сухие и бесполезные. Все его алгоритмы, все его управленческие навыки вдруг обнулились. Она не стала ждать ответа. Развернулась. И медленно, с той же пугающей, абсолютной плавностью, растворилась в сумерках аллеи.

Оставив его одного. С запахом сирени. И с двадцатью четырьмя часами, которые вдруг стали казаться вечностью.

Марк окаменел. Он не мог сделать ни шага. Не из-за страха. А из-за внезапно осознаваемой пропасти. Между ними были не метры мокрой аллеи. Между ними были годы молчания. Та самая стена, которую он сам когда-то помог построить, назвав это «оптимизацией» и «эффективностью».

Первая капля упала на щеку. Холодная. Резкая. Потом вторая. Дождь. Тот самый, с вероятностью восемьдесят процентов, о котором сухо предупреждал Сократ. Вода стекала по воротнику куртки, смывая оцепенение, возвращая гравитацию. Возвращая его в здесь и сейчас.

И вместе с холодом пришло странное, тихое облегчение. Он увидел её. Она была здесь. Настоящая. Не архивная запись, не воспоминание. А раз она здесь, значит, этот лабиринт не безвыходный. Значит, можно сделать следующий шаг.

Марк ускорил шаг. Мокрые подошвы шлепали по умной плитке. Знакомое серое покрытие аллеи уже затягивалось мелкими лужами, угрожая промочить туфли насквозь. Ему это даже понравилось.

Дверь квартиры скользнула в сторону ровно в тот момент, когда он к ней приблизился. Цифровые технологии работали безупречно.

В полумраке коридора маячил Сократ. В манипуляторе — аккуратно сложенное полотенце. — Ваше полотенце, — пробубнил робот. В его хрипотце слышалась едва уловимая, почти человеческая обида. — Вы стали свидетелем того, что мои прогнозы сбываются в девятости девяти процентах случаев.

Марк слабо улыбнулся. В квартире пахло сухостью и теплом. Он молча передал Сократу тяжелую, промокшую куртку и подошел

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.